

Юлия Вершинина

Температурная биография

12+

Юлия Вершинина

Температурная биография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56568860

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда ты удивлён, растерян, радостен или изумлен, кровь бьется сильнее в такт тому морю, которое нас породило. И иногда слова успевают уловить его. Из слов рождается Музыка. А из этой музыки – Человек.

Entre possible et impossible, deux lettres et un état d'esprit.

Charles de Gaulle

Между возможно и невозможно две буквы и состояние духа

Шарль де Голль

Рядовой день, рутинные тексты.

Стася вышла куда-то, не прикрыв двери. Доносилось интервью.

Бархатное.

... я вслушивалась в голос респондента: обволакивающий, пушистый, тянущий нижние нотки. Не всегда правильный, с повторами. Чарующий, низкий, нежный. По бархатным басам.

Я любила Останкино, любила его отметки и безэтажность, парадность и кулуарность, кабинеты, лифты. Можно было замереть и неназойливо, одним глазом, наблюдать за всем тем, что творит сказку голубых экранов и так завораживает зрителя по ту сторону.

Закулисье... зашторье, задверье, зазеркалье. За-Звучье.

" – ... три процента. Но зачем-то Бог оставил мне жизнь".

" – И вы не злитесь, не обижаетесь?"

– Да вы что...?! – лёгкий смех – Нет, конечно! Ну как можно злиться или обижаться, когда любишь?"

По моим спине и рукам – тепло, будто в воду окунули.
Температура вокруг изменилась на градус.

... а потом я шла и разглядывала деревья.

Как листва под ветром прогибалась, колебалась в солнечных лучах и бросала блики. Я дышала, поскольку никак не могла справиться и рассчитать количество необходимого кислорода, и голова кружилась не переставая.

Кофту сняла, присела на лавочку. Под бёдрами – деревянные рейки, в лопатки вонзается спинка.

Под ногами – мягко, трава. Ветер. А по коже – горячие лучи. И воздух. Так много внезапно воздуха.

"Зачем-то Бог оставил мне жизнь" – это была первая мысль, мелькнувшая в моей голове когда-то давно, после комы.

Я тогда совершенно не понимала зачем я живу: ведь ни одному существу на тот момент мой уход не причинил бы сильной боли. У всех, кто меня окружал на тот момент, был кто-то ближе, чем я. Все бы быстро смогли утешиться. Я понятия не имела ни зачем мне жить, ни для кого. Ни КАК. Меня ничего не держало в этом мире... кроме понимания, что не я себе эту жизнь дала, поэтому не я могу её прервать.

Я помню как всё случилось: я не могла видеть перекошен-

ное злобой лицо и закрыла глаза, но некуда было деться от звука.

Беспомощно только цеплялась за что-то:

– И что, только так, и никак по-другому?

– Да, только так! Оля, с тобой нельзя по-человечески!

Да ты вообще едва ли человек, посмотри на себя!

Я помню ватные пальцы, ватный мир чуть накреняюще-гося сознания и выпуклые стены.

... потом я узнала, что у меня случился инсульт, после которого я впала в кому.

Я помню это непередаваемое чувство, когда стоящая напротив фигура двигает своим телом, лицом, издаёт звуки... и я как-то смутно и сосредоточенно начинаю догадываться, что эта фигура от меня что-то хочет. Но что она хочет? И я пытаюсь понять, сказать... а у меня не получается... а я как-то шевелю в ответ собой, своим лицом, телом, чтобы передать свою мысль, но не могу... и проваливаюсь.

Проваливаюсь.

И проваливаюсь.

И снова падаю.

И на меня следом падают стены, кровати, книжки, фигуры, какие-то палки и перекрытия.

И я помню, как это проживалось: чтобы встать – нужно было опустить ноги вниз. И как мучительно тяжело было со-

образить, где низ и куда надо себя тянуть.

Беспомощность. Ненавистная омерзительная беспомощность ненужности. И рядом – никого... ни-одного-человека. Кто был бы во мне заинтересован.

И только в памяти всплывало, сменяясь каруселью: *"Я люблю тебя"*, *"Время, проведённое с тобой – бесценно"*, *"Ты подарила мне Вселенную"*, *"Неужели ты поверила, что таких как ты можно любить или хотеть? Ты мразь, ты ничтожество. Ты вообще едва ли человек. В тебе нет ничего человеческого. С тобой только так и можно."*

И снова на меня летели стены, и вдавливало в пол, и снова дышать было больно, и сложно было понять, что от меня хотят двигающиеся фигуры вокруг.

И вновь, по воцарении сознания, одна-единственная мысль: *"Но ведь зачем-то Бог оставил мне жизнь"*.

И эта озвученная моя – моя! – старая мысль, чужим, таким другим голосом, так и билась в голове.

И эта реакция – удивление, почти смех, вся лучезарность – *"Ну как можно злиться, если любишь?"* – Осталась. Во мне.

Словам я не верила.

Чем больше работаешь со словом, как с материей, тем больше складок и прорех в нём видишь.

И тем меньше веришь – чем виртуознее владеешь.

А сколько прочитано. А сколько услышано. А сколько на-

рушено и бездумно потреплено – и слово, буква, они словно теряют свой первоизданный огонь. Слишком приелись.

Я потом узнала, кто это был, так поразивший меня своим интервью: S.J., – музыкант, певица, деятель.

Это изумление, этот лёгкий полу-смех ощущался кожей и всем телом целиком – теплотой. Такой искренней теплотой, что, казалось, в мире стали таять быстрее ледники.

И один из них – совершенно точно – во мне.

Не даром же говорят, что человек состоит из воды. Главное – понять, в каком агрегатном состоянии эта вода.

Боль пережитого словно заморозила меня, и у меня самой ничего не получалось с этим сделать.

Но этот смех, это искреннее удивление на вопрос в интервью... потеплело.

Пять минут – и в моих руках телефон.

Даже странно, что мне не пришла эта мысль раньше в голову:

– Дина, ты квартиру в Москве искала? Переезжай ко мне. Правда, у меня не квартира, а дом. И не совсем в Москве...

– Оль, жить как никогда хочется.

Я нашла её на дереве, у озера. Дина уселась на ветку, как воробей, и глаза у неё были красные.

Я присела рядом, не понимая, есть ли смысл что-то отвечать.

Я до сих пор не всегда понимала, где заканчивалась "я", а где начинался "другой". Я позволяла любимым людям самим находить границу между нами, потому что для меня её не было.

Молчала я и сейчас, рассматривая то, на чём остановился взгляд Дины:

... гладь была зеркально ровной. Потом вдруг набегал ветер, морщил воду – что шелк.

– Я пациентку потеряла. Коллеги, придурки – голос глухой, рвётся. Отвернулась – Девочка. Пятнадцать лет. Не одолела, не справилась.

– С чем?

– С собой.

И снова пауза. Молчать было больно. Говорить – ещё больнее. Ощущение беспомощности: и сказать нечего, и не поможешь ничем.

Только рядом быть.

Шершавая кора дерева...

... нашла, переплела пальцы.

Прилетели утки. Их гогот, хлопанье крыльев. Озеро пошло рябью. Дина вздрогнула:

– Сволочью ощущаю себя. Ребёнок погиб, а я на уток на-смотреться не могу. Надышаться никак не получается этим ароматом, воздухом – свежим таким, глубоким, озёрным, прохладным. Рукой твоей такой тёплой и мягкой насытиться не получается.

– А ты живи за них. Они не могут это видеть – ты смотри. Дыши за них. За всех...

Полоснул острый взгляд. Ощутимо было – злится. Дина работала в кризисном центре психиатром, и не первый раз теряла пациентов. Но сказала мне об этом впервые.

– Дина, прости, я знаю.

– Откуда? Я не говорила тебе.

– Коллеги твои поделились. Да, так бывает. Врачи не всегда всех могут спасти. И да, ты тоже врач. И да, это не единственный случай за практику.

– Так не должно быть.

– Не должно.

– И ведь никто не понесёт ответственности! Идиоты!

Дина вырвала свои руки из моих, саданула ладонями по стволу и спрятала лицо. Укрылась.

– За что ответственность? У нас нет законов о психиатрической помощи и формально они не виноваты.

– Значит у нас неправильные законы! – и снова взгляд: острый, злой, бескомпромиссный. Режущий.

Я улыбнулась: когда из этих глаз напротив пропадало отчаяние и белёсость, всё становилось хорошо.

Эмоциональная Дина – живая Дина.

– Пойдём?

– Куда?

– Пойдём-пойдём! Озеро до завтра не пересохнет. И дерево не сбежит.

Дом.

Именно так, с большой буквы – Дом.

– Оль, я в привидения не верю! – цепляется мне за ладонь, сжимает пальцы, – Но вдруг они не знают?

– Кто?

– Привидения.

Улыбаюсь, пытаюсь обнять за плечи – Дина руки не выпускает, не привыкла ещё.

Привыкнуть и правда сложно, понимаю. Я тоже – за, без малого, десяток лет – не привыкла:

... каменная громадина среди деревьев, в строительных лесах и чёрной толи.

Я получила его в наследство, и немного побаивалась даже.

Едва переступив порог, хотелось сдержать дыхание и выпрями спину. Дом ощущался живым. Стены словно дышали, словно были плотью, в которых бежала кровь – система отопления располагалась здесь внутри стен.

Чуть закруглённые потолки и лепнина по углам.

Сложно поверить: в современном мире, в часе езды от центра Москвы такая... строгость великолепия.

– Оль, нам надо сделать ремонт, – шепотом.

– А что шепчешь?

– Не знаю... но надо.

Сейчас жилой была только одна комната – кухня на первом этаже, с камином.

– Дин, а может не надо?

– Обязательно надо. И надо облазить все уголки, как кошке, засунуть свой нос в самый дальний шкаф и коробку... присвоить это место. А то он и твой, и... не твой, а "свой собственный".

Энтузиазма у меня эта идея не вызывает. Молчу.

– Да ладно тебе! – восклицает Дина, замечая отсутствие у меня реакции, – Нас ждёт труд, нас ждут приключения!

И началось...

Я минималист по природе своей.

Дина же кинулась обставлять Дом со всем рвением:

– Оль, а нам ситечко нужно? Ой, а какие подставки! – вос-торг ощутим, копается на сайте товаров для дома.

– Дин, ну какие подставки? У нас деревянных спилов по

всей кухне... всё это от лукавого. Закрывай!

– А ножи?

– Ножи на фирму смотри... ножей нужно.

– Ой! Мыльницы какие!

– Дин...

– Помню... "от лукавого..." – бубнит себе под нос.

Дина не только самозабвенно обставляла Дом, с таким же энтузиазмом она раскатывала по стране на своём байке.

– Откуда-откуда ты сейчас приехала?

– Из Калязина – с гордостью, сама вся светится.

– В Москву? На байке? Ну, да, семь вёрст...

– Оль, ну а как там... попоить-покормить-в баньку...? Ну что ты меня прям с дороги допрашиваешь?

– А помнишь, что после баньки-то было?

– В печку.

– В мою как раз поместишься, – киваю на камин.

– Хоть куда! Главное накормленной! Так как..? – глаза искрят.

– Ужин у меня сегодня непритязательный: яичница... будешь?

Дина облизала ложку и подмигнула, доставая шуршащий свёрток из рюкзака:

– У меня к тебе сюрприз. Правда, я сразу про него забы-

ла... он у меня провалялся...

– Сама пекла..?!

– Нет... но по моей просьбе пекли, тебе.

– Спасибо.

Я очень любила хлеб – домашний, зерновой.

Мы пили чай, в тишине и полумраке кухни, молча. Лома-ли кусочки от подсохшей слегка буханки, напрягая пальцы. Венки вздувались, выступая над кожей от усилий. Крошки и семена сыпались обратно на обёртку.

Зачерствевшие кусочки обмакивали в мёд.

– Пааааадажди!

– Что?

– Мы ремонт сделали? Дом типа новый?

– Да... – осторожно: мало ли, что взбрeдёт в эту голову!

– Сначала запускаем таблички!

– Кого-оо?

– Таблички! Ну, вместо кота! Кота у нас нет, так что вме-сто котов... я привезла...

Вытягивает из рюкзака две дощечки, оглядывает кухню, вешает их друг напротив друга.

– Оль, в нашей жизни множество вопросов! Один из са-мых важных, это что можно, а что нельзя. И вот как только

в твоей голове появится вопрос... ты на кухню приходи, задавай сначала сюда, – кивнула на табличку "МОЖНО", – А потом сюда, – голова повернулась к не менее красноречивой надписи: "А НУЖНО?".

В жизни всё можно. Вопрос только один: а нужно?

А вскоре и кот появился.

Дина просто сняла его в дальнем саду с ветки абрикосового дерева, где он – абсолютно рыжий – висел калачиком.

– Правда, для абрикосика ты крупноват... – задумчиво тянула она, знакомя меня со своим найдёнышем – Будешь Персиком!

– Персильванием тогда уж. Всегда хотела кота Персильвания.

Дом сто квадратных метров.

Сто – сто!!! – сто квадратных метров.

Я держу в руках пучок травы и не знаю, куда его положить. Потому что метров – сто; а пригодных для жизни сегодня – шесть.

Неуёмная Динкина энергия добралась не только до жилых этажей. Зазвали даже гостей и помощников – так хотелось ей быстрее привести этот дремучий уголок моего наследства в порядок. Да я и не возражала.

... глушили сейчас серными шашками подвал. Подвал выходил в жилой коридор, поэтому задраивали скотчем все щёлочки и стыки. "Ну да... конечно, скотч газу та ещё помеха" – думаю я иронично, но пол проклеивать продолжаю.

Серная шашка дымит мощно, туристы на озере рядом не понимают откуда запах. Это мне видно, как из нашей вытяжки валит дым, а всей округе только аромат неопознанный остаётся.

Кот орёт под окнами и пытается пробиться в дом.

Дина передразнивает кота, тот замолкает с испуга.

... а пучок травы всё ещё в моих руках.

На шести квадратах сегодня нужно уложить всех спать. Всех – это самих нас, гитару, баян, гармошку, кота, штук пять подушек, вещи... и ту самую траву. Вспоминаю, что я – девочка и мышление у меня должно быть вроде как девичье – заматываю пучок во флис и запихиваю в гитару. Главное, чтоб никто не начал петь романсы на этой гитаре... Персильваний, вон, уже выводит рулады под окном аккомпанируя себе скрежетом когтей по окну (пытается преодолеть это самое окно), стекло высокое и скользкое и допрыгнуть до форточки не получается.

Дурдом и без хлеба.

... закрываю глаза и вижу параллельные миры.

... тонкие разводы покрытой плесенью паутины, гроздь чьих-то золотистых полупрозрачных яиц, полосатые пауки с

блестящими пузиками. Реально блестящими, как капля ртути!

... тонкие осторожные полосатые щупальца-ножки очень медленно и изящно протягиваются в сторону меня и переходят в полосатое же тельце. Какой медленный и деликатный паук. Я бы на его месте так не делала – я бы на его месте меня бы испугалась.

Я похожа на участника химической атаки: закрыт лоб, нос, рот, шея, перчатки резиновые до локтей и фитиль от шашки.

Не заорала я при виде этого полосатого создания только потому, что на мне миллион влажных плотных масок и орать через них затруднительно. Потом – сил не стало, да и адаптировалась малец. *"На невозможное требуется просто больше времени"*.

И потом... этот паук и правда был красивый. Мне стало даже его жалко.

... а ещё он, видимо, был полый – потому что когда я его раздавила, он громко щёлкнул.

Оказывается, есть множество очень красивых форм жизни, спрятанных от повседневных человеческих глаз и живущих в сырости и вечной темноте. Правда красивых. Очень необычных и изящных.

Но... серная шашка решит своё дело.

По дому развешены мокрые простыни, на столе – банка молока.

... "матрасники" тем временем всё же выкуриваются с пляжа, напуганные странненьким желтеньким дымком, поплывшим меж деревьев.

Интересно, а пауки-слизняки погибнут сразу? Не будут мучиться?

... стооооп! Кажись, я надышалась-таки серы и мысли явно идут не туда.

– Оль, если эта сера убивает всю заразу, может она и нас продезинфицирует?

– Эта сера убивает не заразу, эта сера убивает всё живое.

Женя кричит мне из подвала – я кричу ему, чтоб быстро вылезал оттуда – фитиль до шашки горит всего 90 секунд и чтоб не вздумал поджигать его с двух сторон!!! Только с одного длинного края!!!

Ладно, лиха беда начало...

Проводили Женю – машина только скрылась за поворотом – слышу снова звук мотор. Бочку прибыли пилить и все металлоконструкции снимать.

Я уселась на неё – пока можно – верхом, пытаюсь дотянуться до абрикоса... да, они уже созрели.

И где я умудряюсь царапаться и раниться..? Стесала себе пол ноги.

"Министерство магии" сегодня на улице, звёздная россыпь по небу, стопятьсот одежек, шерстяной платок.

Андрей режет автогенном (или как там он называется..?)

бочку – это самый лучший бенгальский огонь из виденных мной.

Сергей пилит дрова, Валера что-то делает с лестницей.
... четвёртый мужик за день.

Дина смеётся. Кто-то говорит, что "и не столько за раз было!"

Попавшая под хвост шлея как-то сама организует вокруг меня весь процесс. Главное – не запутаться, не рехнуться, не надыхаться серой.

Утыкаюсь лбом в банку с молоком, обнимаю крепко эту трёхлитровочку... а перед глазами заплесневелая паутина, прозрачные гроздья, полосатые лапки...

Уборка на последнем издыхании.

Вот почему, когда просто живёшь, Дом кажется обычным домом, а как только начинаешь убираться... он вырастает раза в четыре?!

Дина все порывалась найти нам помощницу по хозяйству, но я хотела здесь делать всё сама.

Но Дом подрастал, а пылесос – уменьшался. Вот и сейчас: чихнул, плюнул и заглох. Подавился каким-то листом, мелко пестрящим буковками:

"Ещё один из "красных флагов" современных реалий российской медицины – это личность самого врача. Беря за ос-

нову любой человеческой деятельности ПОТРЕБНОСТЬ, мы осознаём, что у медиков существует своя потребность выбора данной профессии, и, каким-то образом, они её реализуют. И потребность эта может быть самой разной.

Однако, распространённый стереотип восприятия тех, к кому мы обращаемся за помощью, заставляет нас видеть в этих людях некий идеальный набор личностных характеристик: внимательность, пунктуальность, образованность, понимание, доброжелательность. Что не всегда является правдой. В культуре восприятия врачей, психологов, воспитателей или пожарных инспекторов нет паттерна, что эти люди могут быть глупы, жестоки или нечестны... однако было бы неверно подходить к каждому представителю "помогающей" профессии с одним шаблоном или с одной и той же эмоциональной маской..."

– Отдай, пожалуйста.

Я отложила лист:

– Дин, а что это?

– Петиция. – пауза – Ты понимаешь, меня бесят психиатры и психологи!

– ... сказал мне психиатр и психолог, – в тон закончила я.

– Я...

– Ладно-ладно, что случилось?

– Ничего, что не случилось бы раньше! – выпалила и замолчала, а щёки начинали ровно краснеть. – Нашей сфере

нужны законы. Законы. А не всякие рекомендательные кодексы профессиональной этики! Понимаешь, люди в принципе беспомощны перед шарлатанами, а наши... клиенты... так беспомощны вдвойне!

– Что случилось?

Дина снова покраснела, бледнела, сжимала скулы.

Я знала что она получила психологическое образование по своему желанию. Но проработала по этой профессии ровно одну неделю. Обозвала коллег шарлатанами, переучилась на психиатра и посвятила свою жизнь психиатрии. Переживала за клиентов больше, чем за себя... и каждую врачебную ошибку в этой сфере переживала особенно тяжело. Я уж думала промолчит снова. Но она, сцепив зубы, всё-таки ответила:

– Коллега моя... с клиенткой. В общем, в петлю девочка полезла.

Я была удивлена. Обычно Дина не делилась рабочими моментами.

Сейчас же стоит – жаром пышет, руки в кулачки. Но не плачет. Злится.

– Дин, ты что, хочешь поменять законы..?!

– А что? У нас демократия, народ вроде как источник власти. А я как раз его достойнейший представитель!

– Дин... законодательной инициативой по Конституции обладают Президент, Совет Федерации, ГосДума, предста-

вительные органы субъектов...

– Дай! – листок схватила, скомкала – Делаю, что могу и как умею. Можешь лучше – так научи. ГосДума? Так стану депутатом! Неужели этой деятельности недостойны девочки, считающие себя уродами из-за пары фраз заумных тётечек и дяденек и шагающие в петлю или с крыши? Невозможно желающие при этом жить и любить, но просто не понимающие, где эта любовь водится..? Ведь у нас совершенно невозможно наказать за последствия неправильного подхода, неправильно прописанных лекарств; да просто за невнимательность, безалаберность, глупость, тупость! И несерьёзность! Это люди, а не лабораторные мыши!

– Дина, прости, но ты так ничего не добьёшься. Ты просто загубишь свою же идею на корню. Это неправильно...

– А я не знаю, как правильно. А бездействие убивает меня, Оля! Нашей стране просто необходимы законы! Нельзя бездумно препарировать человеческую душу, человеческий мозг, сердце, убеждения, взгляды! Если не мы, врачи, то кто поборется за человека? А если это еще и не человек вполне, а ребенок? Такой, у которого психика только начала складываться? В три года? В пять? А подростки? Ох, Оля..!

И Дина боролась... боролась за каждого.

Смотря на неё, я точно понимала зачем живёт она: чтобы процент человеческой боли уменьшался.

С присутствием Дины на этой Планете становилось чуточку безболезненней.

Я даже могла понять любовь Дины к шрамированию. Да, действительно красиво... тонкие белые линии оплетали её ступни.

Но там было не только украшение – когда к нам приезжал хирург, Дина просила резать без обезболивания.

Помню, первый раз, когда Люба приехала резать, она привезла с собой не только целый арсенал обезболивающих ампул, она даже "Эмлу" захватила. Чтоб укол было делать не больно. Куда там! Дина поставила ноги на табуретку и жестко: "режь!"

Люба крутила головой с неё на меня, растерянно объясняя, что "щиколотки, кожа же тонкая, ... близко, ... больно"

"Никакого обезбола!" – Дина была такой... что захотелось водички. Сколько жестокости сейчас было в ней – "Пожалуйста" – добавила всё-таки, увидев изумление в карих глазах хирурга.

А я потом взгляда не могла оторвать, как под пальцами в тонких стерильных перчатках натягивалась кожа, скальпель входил под углом, вспарывал, срезал тонкий слой, капельки крови собирались под лезвием и лились строчкой на колени Любы, покрытые чем-то тоже медицинским.

– Олечка, чай сделай сладкий нам. Пить хочется.

Я улыбнулась в глубине себя: не только хирургией зани-

малась Люба в университете. Дину хотя бы чаем сладким напоить надо, а как это сделать лучше, если не собственным примером?

Наверное, я и себе многому училась в эти минуты, когда беспощадные глаза Дины сталкивались с тёплой лаской медицинских пальчиков и плавилась.

– Дина, солнце, вставай. Дина..! – даже не шевелится, – У тебя сегодня лекция, помнишь?

Свернулась крепче, одеяло вокруг себя намотала.

Ночь... рассвет ещё даже не начинал брезжить.

Сами согласились ехать во Владимир на лекцию, и только потом уточнили дату и время. Но что делать – уже согласились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.